

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Школа и жизнь

Еще по поводу греческого языка в духовных семинариях. **Форменная одежда семинаристов. О положении помощников инспектора семинарии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1898. № 12. С. 928-943.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

Еще по поводу греч. языка въ духовныхъ семинаріяхъ. — Форменная одежда семинаристовъ. — О положеніи помощниковъ инспектора семинаріи.

По поводу помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Хр. Чтенія“ статьи о греческомъ языкѣ нами получено слѣдующее письмо отъ проф. Н. Н. Глубоковского.

„Въ №-рѣ 10-мъ „Христіанскаго Чтенія“ за 1898 г. одинъ преподаватель духовной семинаріи въ отдѣлѣ „Школа и Жизнь“ не разъ (стрн. 557 сл. 584. 590) упоминаетъ мою „докладную записку“, но пользуется ею совершенно невѣрно и своими напрасными похвалами даетъ ей неправильное освѣщеніе. Такъ какъ и впредь я не гарантированъ отъ подобныхъ недоразумѣній, то нахожусь вынужденнымъ сдѣлать слѣдующія разъясненія. 27-го ноября 1894 г. Совѣтъ Спб. Духовной Академіи опредѣлилъ „сообщить мнѣ къ свѣдѣнію и исполненію“ указъ Святѣйшаго Синода отъ 15-го мая того же года за № 2.128, гдѣ (—согласно „предложенному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 1-го апрѣля за № 232, журналу Учебнаго Комитета, № 100, съ заключеніемъ Комитета“—) мнѣ предписывалось высказать свои соображенія „относительно болѣе цѣлесообразной постановки“ преподаванія Свящ. Писанія (Новаго Завѣта) въ духовныхъ семинаріяхъ. Во исполненіе сего въ концѣ 1894 г. мною была подана ректору Академіи преосвященному Никандру (нынѣ епископу Симбирскому) соотвѣтствующая записка, которая—съ немалыми сокращеніями—препровождена въ началѣ 1895 г. на усмотрѣніе высшей духов-

ной власти и первоначально имѣла дѣйствіе, касавшееся только одного автора и оставившее въ его душѣ глубокой слѣдъ весьма тягостнаго свойства... Но въ ноябрѣ 1895 г.—январѣ 1896 г. дѣло было подвергнуто новому пересмотру, при чемъ вторая часть моей записки разослана для обсужденія въ совѣты Академій Кіевской, Московской и Казанской, въ протоколахъ которыхъ (Кіевской за 15-е января 1896 г. на стрн. [98] 99—112, Московской за 23-е февраля 1896 г. на стрн. [21—] 23—34 и Казанской за 16-е февраля 1896 на стрн. [36—] 38—50) она напечатана въ измѣненной синодской редакціи со многими неточностями (напр., по Московскимъ протоколамъ: стрн. 24, стрк. 10 св. „VI, 58“ в м. „VII, 58“; 24, ¹⁰ сн. „о наибудобнѣйшемъ пользованіи временемъ“ в м. „о наибудобнѣйшемъ *использованіи* времени“; 24, ⁵ сн. „приуроченіями“ в м. „приуроченіемъ“; 25, ¹⁰ св. „достаточныхъ“ в м. „достаточнымъ“; 25, ^{9. 7. 8} сн. „полезно? А оно—помню—рождалось... причинили... запросами“ в м. „полезно, а оно—помню—раждалось... причиняли... запросами?“ 26, ¹⁸ сн. „внимательныхъ“ в м. „внимательное“; 26, ^{6. 5} сн. „той методы... образецъ коего“ (?) в м. „того метода“...; 27, ^{5. 7} св. „на точности... съ ихъ“ в м. „на точность... со *всѣми*“; 27, ^{14. 8} сн. „неисполненнымъ... о такомъ“ в м. „неисполнимымъ... о такомъ“; 28, ⁷ св. бессмысленная ффраза [около восьмой части (воспитанниковъ Семинарій) путалось] въ столь общеизвѣстныхъ lapsus calami“ (!?) в м. „... въ столь *общеизвѣстныхъ терминахъ*, а далеко не у *всѣхъ* можно допустить lapsus calami“; 30, ^{5. 7. 18} св. „значеніе... освѣщаться и обновляться... преподаваніи: для него“ в м. „знаніе... обновляться и освѣжаться... преподаваніи. Для него“; 32, ⁷ св. ¹¹ сн. „фразъ... специфировалъ“ в м. „формъ... специфировалъ“; 34, ^{8. 13} св. „указать... весьмадолго“ в м. „поименовать... весьма... весьма долго“ и мн. др.; заглавія иностранныхъ сочиненій и имена авторовъ—въ большинствѣ случаевъ—воспроизведены съ курьезнѣйшими искаженіями). Изъ сказаннаго видно, что моя записка есть строго оффиціальныи документъ, отвѣчающій на опредѣленный вопросъ, предъявленный составителю ея свнше и съ принудительностію. Посему г. преподаватель ошибочно называетъ ее „статьею“ (стрн. 590) и съ удивительнымъ непониманіемъ утверждаетъ (на стрн. 577) къ своему призрачному „удовольствію“, будто „уважаемый профессоръ (т. е. я) приводитъ тѣже мысли касательно задачи преподаванія греческаго языка въ семинаріи, какія занимаютъ“ его. Для меня абсолютно непостижимо,

на какомъ основаніи, почему и зачѣмъ я привлеченъ къ этому предмету, когда говорю *исключительно и единственно* о семинарскомъ изученіи Свящ. Писанія Новаго Заѣта. Столь неожиданное примѣненіе моихъ мыслей тѣмъ изумительнѣе и непріятнѣе, что я всего менѣе могу сочувствовать чисто утилитарнымъ тенденціямъ г. преподавателя“.

Намъ кажется, однако, что утилитарныя тенденціи г. преподавателя не заслуживаютъ строгаго осужденія. Если бы изученіе языковъ по дѣйствующей программѣ достигало своихъ цѣлей, тогда, быть можетъ, странно было бы замѣнять чтеніе и разборъ классическихъ произведеній изученіемъ памятниковъ позднѣйшей—святоотеческой литературы или чтеніемъ греческой Библии. Но когда эта широкая, сулящая значительныя познанія. программа, при (плохомъ) практическомъ осуществленіи, даетъ чрезвычайно мало, мысль объ измѣненіи ея является сама собою. И для того, на чьей обязанности лежитъ выполнять эту программу на дѣлѣ, важнѣе всего, конечно, измѣнить ее такъ, чтобы дѣло преподаванія шло и съ интересомъ, и успѣшно и плодотворно, т. е. измѣнить ее подъ угломъ чисто-практической точки зрѣнія. Теперь ученики читаютъ и Ксенофонта, и Гомера, и Геродота, но читаютъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, если не сказать болѣе; формальнаго развитія они пріобрѣтаютъ очень мало, свѣдѣній еще меньше,—а къ концу курса почти теряютъ и эти ничтожныя знанія; только небольшое число лучшихъ воспитанниковъ сохраняетъ ихъ, и этотъ остатокъ избранныхъ обыкновенно спасаетъ различными путями весь классъ на еженедѣльномъ урокѣ греческаго или латинскаго языка въ послѣдніе два года. Впрочемъ, и лучшіе воспитанники не всегда стоятъ на высотѣ познаній,—какъ показываютъ академическіе экзамены, на которыхъ прямо или косвенно (напр. при чтеніи греческаго текста Евангелій) контролируются эти познанія. Итакъ, многолѣтнія занятія языками, стоившія многихъ трудовъ и оставившія много непріятныхъ воспоминаній и преподавателю и ученикамъ, оканчиваются почти ничѣмъ. Только небольшое число учащихъ выходитъ до извѣстной степени знающими; но всякому очевидно, что знаютъ они главнымъ образомъ благодаря своему прилежанію и талантливости, а не благодаря программѣ или постановкѣ дѣла. Какъ же поставить дѣло изученія языковъ, чтобы оно имѣло интересъ и приносило пользу? Г. преподаватель, статья котораго помѣщена въ предшествующей книжкѣ „Хр. Чтенія“,

исходить, рѣшая этотъ вопросъ, изъ общепризнанныхъ педагогическихъ соображеній: нужно, чтобы неизвѣстное въ языкѣ связывалось съ извѣстнымъ путемъ сравненія, противоположенія и т. д., чтобы формы греческаго языка сопоставлялись съ формами славянскаго и русскаго, чтобы содержаніе переводимаго текста было родственно тому кругу мыслей и чувствъ, съ которыми уже сжилась душа учащагося. Конечно, изучая языкъ не по классическимъ въ собственномъ смыслѣ произведеніямъ, ученики не будутъ знать собственно классическаго греческаго языка; но вѣдь они—въ общей массѣ—не знаютъ его и теперь, хотя и штудируютъ классиковъ: слѣдовательно, съ этой стороны потери не будетъ. А затѣмъ, будетъ и прямая выгода: хотя и не классическій—и не по классикамъ, они все же будутъ знать греческій языкъ и будутъ заниматься имъ съ большею охотою. Если и можетъ быть, при такомъ положеніи вещей, для кого ущербъ, то развѣ для лучшихъ воспитанниковъ; но отчего не предоставить изученіе классиковъ ихъ дальнѣйшей самодѣятельности, тѣмъ болѣе, что почва для такого изученія у нихъ будетъ и что, при настоящемъ порядкѣ вещей, знакомство съ классиками падаетъ главнымъ образомъ также на ихъ самодѣятельность и трудолюбіе?

Вотъ точка зрѣнія, на которой стоитъ г. преподаватель. Мы не касаемся вопроса, умѣстны или нѣтъ въ семинаріи утилитарныя цѣли преподаванія; не спрашиваемъ и о томъ, отчего г. преподаватель, вмѣсто проекта новой постановки изученія греческаго языка, не изыскалъ мѣръ къ тому, какъ бы оживить это изученіе при теперешней программѣ: дѣйствительность показываетъ, что такія мѣры не найдены даже тамъ, гдѣ всего болѣе можно было бы ожидать заботъ о ихъ изысканіи, именно въ классическихъ гимназіяхъ. Мы имѣемъ въ виду г. преподавателя, какъ лицо, стоящее у дѣла, обязанное выполнять широкія задачи программы, и, при всемъ желаніи, не могущее выполнить ихъ, въ виду неудобоосуществимости теорій на практикѣ. И находимъ, что онъ правъ, правъ съ практически-жизненной точки зрѣнія. Съ содержаніемъ его проекта можно и не согласиться, но основная мысль, проводимая имъ, обязательна для всякаго проекта, именно, что въ дѣлѣ обученія, которое живымъ человѣкомъ совершается надъ живыми же людьми, опредѣленія и предписанія теорій должны исходить изъ требованій и указаній жизни, а не наоборотъ, и что широкія теоретическія предначертанія, какъ бы они ни

были многообѣщающими, ничего не создадутъ, если нѣтъ возможности осуществить ихъ на дѣлѣ.

Жизнь нашихъ духовно-учебныхъ заведеній въ различныхъ отношеніяхъ даетъ наблюдать такую отрѣшенность теоріи отъ практики. Если взять даже модный теперь вопросъ о формѣ для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, то и здѣсь дѣло обстоитъ далеко не въ соответствіи съ жизненными требованіями. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно утверждать, относительно формы для воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія присланная намъ слѣдующая замѣтка одного инспектора семинарій.

„Извѣстно, что нынѣ двери духовно-учебныхъ заведеній открыты для молодыхъ людей всѣхъ сословій, а отсюда, наряду съ дѣтьми духовнаго званія, нынѣ въ семинаріяхъ мы встрѣчаемъ дѣтей и купца, и крестьянина, и мѣщанина, и солдатскихъ дѣтей, и чиновника и изрѣдка дворянина, словомъ — нынѣшняя семинарія представляетъ изъ себя сборникъ всевозможныхъ разночинцевъ, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ даже подавляющихъ своею численностію дѣтей духовнаго званія.

Эта разновидность по происхожденію нынѣшнихъ учениковъ семинарій неизбѣжно сказывается и въ ихъ внѣшнемъ поведеніи, манерѣ держать себя и одѣваться въ извѣстнаго покроя одежду. Такъ, семинаристы изъ крестьянъ, мѣщанъ и солдатскихъ дѣтей одѣваются сравнительно неряшливо и убого: сюртучишко съ толкучаго рынка, засаленный пиджачокъ, жилетки не имѣютъ, но рубашка на выпускъ и непременно, по-мѣщански, поясъ съ кистями; верхнее одѣяніе — рѣдко общепринятое пальто, а чаще всего широкій чапанъ съ большимъ воротомъ. Въ квартирной ихъ жизни и обстановкѣ тоже убого и бѣдно. За то дешево. Вдобавокъ къ сему курятъ противную махорку...

Не то замѣчаемъ въ костюмировкѣ и жизни семинаристовъ изъ купечества, чиновничества и дворянъ. Эти изображаютъ изъ себя семинаристовъ-щеголей. Облекаются въ пальто и пиджаки модныхъ тканей и покроя, носятъ всегда крахмальныя сорочки, разнообразные при нихъ галстуки, часики съ модными брелоками, а иные для форсу носятъ очки и душатся фіалкой и резедой, и покуриваютъ приличный таба-

чокъ... Въ квартирной ихъ жизни довольство. Ъдятъ сладко, чай пьютъ, когда вздумается, иныя имѣютъ свою обстановку, иногда свои музыкальные инструменты — скрипки, кларнеты и рояли на прокатъ. Словомъ, въ ихъ жизни во всемъ проглядываетъ то, что свидѣтельствуется — „мы не поповичи“...

Это—двѣ крайности во внѣшней жизни и поведеніи нынѣшнихъ семинаристовъ. Средину между ними составляютъ семинаристы изъ духовнаго званія. Они могутъ быть подраздѣлены на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Казеннокоштные ученики семинаріи одѣваются всею однообразно, какъ и требуется Уставомъ духовныхъ семинарій, а своекоштные—разнообразно: побѣднѣе примыкаютъ къ первымъ, т. е. дѣтямъ крестьянъ и мѣщанъ, а побогаче подражаютъ послѣднимъ, т. е. дѣтямъ изъ купцовъ или чиновниковъ, и къ великому огорченію коренной элементъ духовнаго заведенія воспринимаетъ отъ сего пришлаго элемента много такого, что не мирится ни съ цѣлью духовно-учебныхъ заведеній, ни съ послѣдующею жизнію лица духовнаго, и ведетъ лишь только во время школьной жизни къ истощенію отцовскаго кармана, а по выходѣ изъ школы и вступленіи въ жизнь — ко многимъ разочарованіямъ, что очень и очень не отрадно. Здѣсь добра не жди.

Эта картинка съ натуры сама собою предрѣшаетъ вопросъ, нужна ли форменная одежда для семинаристовъ? Нужна и очень желательна во избѣжаніе просто невозможной пестроты, рѣзущей глазъ всякаго посторонняго человѣка и лицъ, близко стоящихъ къ воспитательному надзору за учениками семинаріи. Однообразіе въ костюмировкѣ съ внѣшней стороны сгладитъ всякую между ними рознь, а чрезъ это устраняются для пришлаго элемента все поводы выставлать на видъ, что „мы не духовнаго званія, а если и учимся въ семинаріи, такъ дѣлаемъ тѣмъ одолженіе и деньги платимъ, на которыя содержатся и казеннокоштные ученики семинаріи“, и т. п.

Но однообразная одежда не есть еще такая форменная одежда, подъ которой надо непременно разумѣть: пальто съ свѣтлыми пуговицами, парадный однобортный сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и кантикомъ, тужурку тоже съ свѣтлыми пуговицами и кантикомъ для хожденія въ классъ и послѣ классовъ въ домашнемъ обиходѣ и форменную фуражку съ кантиками и гербомъ „такого-то № заведенія“.

Таковыя форменныя костюмы, какъ намъ извѣстно, заведены во многихъ уже семинаріяхъ, въ подражаніе костюми-

ровкѣ студентовъ духовныхъ академій, не разъ мы видѣли и „*форменныхъ семинаристовъ*“, но, признаться, форма эта, по нашему глубокому убѣжденію, болѣе красива, чѣмъ пригодна для жизни вообще ученика семинаріи и соотвѣтственно цѣли духовно-учебнаго заведенія, и вотъ почему: въ воспитанникахъ она развиваетъ франтовство и киченіе свѣтлыми пуговицами и кантиками, а въ родителяхъ—чувство недовольства, что эта форма очень дорога, и снарядить ее не всякій въ состояніи, особенно если принять при этомъ во вниманіе и дѣтскую небрежливость въ ея употребленіи; не сообразна она ни съ цѣлю, ни съ складомъ, ни съ самымъ духомъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ цѣлю готовить смиренно-мудрыхъ служителей церкви Христовой, а не *форменныхъ чиновниковъ и франтовъ*.

Не хороша эта форма, она не къ лицу нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ.

По нашему убѣжденію, взятому изъ опыта жизни и наблюденія за воспитанниками во всѣхъ періодахъ ихъ физическаго и умственнаго развитія, для нашихъ семинаристовъ нужна не щеголеватая, не дорогая, не съ свѣтлыми пуговицами и кантиками *форменная* одежда, а простая безъ свѣтлыхъ пуговицъ и кантика, по возможности дешевая, свободная для движеній, приспособленная къ занятіямъ класснымъ и домашнимъ, гдѣ нерѣдко одежда пачкается мѣломъ и чернилами, и къ торжественнымъ случаямъ или праздникамъ, и въ то же время однообразная, приличная и сразу выдѣляющая ученика семинарій отъ молодыхъ людей другихъ учебныхъ заведеній.

Будни и праздникъ, а также цѣль духовно-учебнаго заведенія—основа для *форменной* одежды. Для буднихъ учебныхъ дней нашимъ семинаристамъ нуженъ изъ недорогого матеріала, сукна или трика, однобортный наглухо застегнутый пиджакъ съ двумя карманами по бокамъ, и на воротникѣ, на лицевыхъ его концахъ металлическое клеймо для обозначенія, котораго класса. Для праздничной одежды—черный, суконный, двухбортный сюртукъ, глухая жилетка къ нему, или нагрудникъ, на лицевыхъ лацканахъ сюртука металлическое клеймо „№ духов. семинарія“.

Во внѣ-учебное время, въ домашнемъ обиходѣ, предоставить воспитанникамъ свободу носить одежду, у кого какая есть; а въ классы, къ богослуженіямъ и во всякихъ другихъ

торжественныхъ или официальныхъ случаяхъ обязательно являться въ **форменной** одеждѣ.

Верхнее пальто, какъ лѣтнее, такъ и зимнее должно быть у всѣхъ воспитанниковъ одинаково по матеріалу и по покрою, ни свѣтлыхъ пуговицъ, ни кантиковъ не нужно; а фуражка должна быть обязательно **форменная**—изъ чернаго сукна съ бархатнымъ околышемъ и металлическимъ клѣймомъ означающимъ *заведеніе и классъ*.

Вотъ по нашему убѣжденію, какая **форменная** одежда должна быть для семинаристовъ, какъ самая пригодная, удобная и недорогая. Такая **форма** не будетъ, конечно, блестѣть ни свѣтлыми пуговицами, ни кантиками, но не научить и киченію, а дастъ приличное однообразіе въ костюмировкѣ учениковъ, удобство для ихъ занятій и не обременитъ родителей въ ея пошитіи. Стоимость проектируемой экипировки, по нашему убѣжденію, не превыситъ *50 рублей*, а ея хватитъ по меньшей мѣрѣ на три и даже болѣе года. Затрата въ 50 руб. на 3—4 года весьма незначительна.

Такъ или иначе, отъ души желали бы сформить воспитанниковъ семинарій, чтобы, помимо вышеприведенныхъ соображеній, на безформенныхъ семинаристовъ не указывали пальцами, приравнивая ихъ по ошибкѣ то къ прикащикамъ, то къ мастеровымъ, и чрезъ это иногда худослова ни въ чемъ неповинныхъ учениковъ семинаріи⁴.

Въ сужденіяхъ г. инспектора есть мысль, съ которою нельзя не согласиться, именно, разъ признается нужною **форменная** одежда для воспитанниковъ семинаріи, необходимо, чтобы она во-1-хъ—недорого стоила и во-2-хъ—не была бы кричащаго свойства: первое не соотвѣтствуетъ средствамъ нашего духовенства, особенно низшихъ членовъ причта, а второе—задачамъ и характеру семинаріи какъ духовно-учебнаго заведенія. О **формѣ** для семинаристовъ стали говорить въ самое послѣднее время, да и теперь она введена только въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Раньше же никто не смущался ея отсутствіемъ, а родители нашихъ семинаристовъ, при скудости своихъ средствъ, могли только благословлять эту безформенность семинарской одежды. Каждый шилъ своему сыну одежду изъ такого матеріала, какой приходился по карману, и весьма часто какой-нибудь сюртукъ или пиджакъ, въ передѣланномъ, а то и прямо непередѣланномъ видѣ, переходилъ съ плечъ старшаго брата на плечи слѣдующихъ за нимъ, отъ дяди къ

племяннику и т. п. Можетъ быть, это было и некрасиво, за то не вынуждало какого-либо бѣднаго псаломщика биться какъ рыба объ ледъ, изыскивая средства и для содержанія нѣсколькихъ сыновей въ губернскомъ городѣ и для того, чтобы представить ихъ предъ очи начальства въ установленной формѣ. Форма же эта можетъ стоить недешево, особенно, если ее желаютъ сблизить съ формою студентовъ духовныхъ академій или университетовъ. А таковы именно, насколько приходилось наблюдать, формы, введенныя уже въ духовныхъ семинаріяхъ: и сюртукъ мундиромъ, и пальто шинелью, и ясныя пуговицы и канты. Облеченные въ такой парадъ, молодые люди, дѣйствительно, не чужды и того „киченія“, о которомъ говоритъ г. инспекторъ. Но „киченіе“ это еще не столь большое зло: зло въ другомъ. Прежде всего, чего стоилъ весь этотъ блескъ родителямъ семинарскихъ воспитанниковъ? Можетъ быть, изъ-за этой формы кому-нибудь пришлось пожертвовать и образованіемъ своего сына; а что приходилось входить въ долги и терпѣть нужду, это несомнѣнно. Затѣмъ, это стремленіе придать нашимъ семинаристамъ внѣшне-порядочный, форменно-блестящій видъ возбуждаетъ прямо горькое чувство у того, кто знаетъ, какъ мало наша семинарская педагогія (не по теоріи, а фактически) заботится о внутреннемъ облагороженіи питомцевъ, а если она и заботится, то какъ мало умѣетъ сдѣлать! Можно одѣть 500 человѣкъ въ красивыя униформы, но если эти 500 человѣкъ, изъ которыхъ одни еще дѣти, а другіе взрослые люди, готовые начать самостоятельную жизнь и воспитывать другихъ, не видятъ сообразнаго съ ихъ возрастами и характерами человѣческаго къ себѣ отношенія, а только одни и тѣже грубые окрики, надменно-повелительныя рѣчи, полицейски-подозрительный режимъ и кары въ равнообразнѣйшихъ видахъ, то форменная одежда не вольетъ сама по себѣ въ воспитанниковъ внутренняго благородства и человѣчныхъ чувствъ: она будетъ только достойнымъ внѣшнимъ показателемъ казарменнаго воспитанія. Нужно озаботиться, прежде всего, о томъ, чтобы установить согласныя съ здоровой педагогіей отношенія къ питомцамъ и вѣдрить въ нихъ внутреннюю благопристойность, а потомъ уже обращаться къ внѣшней.

Къ сожалѣнію, наши воспитатели держатся иного взгляда, подтвержденіемъ чему можетъ служить таже вышеприведенная замѣтка г. инспектора. Читателю стоитъ только обратить

вниманіе на мотивы, которые указываетъ г. инспекторъ для введенія униформы, чтобы составить нѣкоторое понятіе о его общемъ взглядѣ на воспитанниковъ и его отношеніи къ нимъ. Въ числѣ этихъ мотивовъ есть и желаніе избавить воспитанниковъ семинаріи отъ незаслуженнаго „худословія“, которое падаетъ на ихъ голову потому, что по одеждѣ ихъ смѣшиваютъ иногда съ прикащиками и мастеровыми. Но этотъ мотивъ упомянуть случайно въ концѣ замѣтки, на первомъ же планѣ поставлены другіе: во-1-хъ, форменная одежда „нужна и очень желательна во избѣжаніе просто невозможной пестроты, рѣжущей глаза всякаго сторонняго человѣка и лицъ, близко стоящихъ къ воспитательному надзору за учениками семинаріи“; во-2-хъ, однообразіе костюмировки уничтожить всякую рознь между семинаристами съ внѣшней стороны и тѣмъ обуздаеть гордыню семинаристовъ-непоповичей, отнявъ у нихъ поводы превозноситься тѣмъ именно, что они — непоповичи, а если попали въ среду поповичей, то дѣлають послѣднимъ честь и одолженіе.

Странно слышать подобные мотивы отъ педагога духовной школы, но печальнѣе—сознавать, что мы здѣсь встрѣчаемся со взглядомъ не единичнымъ и исключительнымъ, а почти общераспространеннымъ. Отцы и учителя педагогики смотрѣли на воспитаніе, какъ на подвигъ самоотверженія, въ которомъ воспитатель, какъ и апостоль, долженъ быть „всѣмъ вся“, чтобы всѣми мѣрами создать въ питомцѣ человѣка. Первымъ условіемъ для воспитывающаго они ставили любовь къ своему дѣлу и къ воспитанникамъ, на первый планъ они выдвигали его обязанности, а не права, и, конечно, не ихъ духа тѣ воспитатели, которые смотрять на дѣло воспитанія, какъ на непріятное и безпокойное, въ воспитанникахъ видять враждебную и злоковенную толпу и берутъ на себя бремя воспитательскихъ трудовъ только по тому побужденію, что съ ними соединены права и преимущества по должности. А таковыя и встрѣчаются иногда, къ сожалѣнію, среди инспекторовъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Послуживъ десятокъ лѣтъ въ преподавателяхъ, они пріемлютъ инспекторское званіе какъ заслуженную награду, которая, къ несчастію, соединена только съ однимъ неудобствомъ, именно съ трудами по надзору за многоголовою и разновозрастной толпой воспитанниковъ... Это дѣйствительно непріятный придатокъ къ вождельнному званію. Инспекторское спокойствіе отравляется мыслью, какъ

бы чего не натворила эта всегда готовая на продерзости и проступки толпа, инспекторское равновѣсіе нарушается этимъ разнообразіемъ умовъ и характеровъ, за которыми приходится надвирать, инспекторскій глазъ рѣжетъ пестрота одежды, инспекторское самолюбіе возмущается, когда среди этого враждебнаго стана находятся и такіе, которые и одеждою, и манерами и обстановкой показываютъ, что они—непоповичи, и ужъ, конечно, показываютъ это, чтобы досадить только г. инспектору.

Но г. инспекторъ—опытный воинъ,—онъ знаетъ, чѣмъ побѣдить враговъ: одѣнетъ всѣхъ въ одноформенную одежду, наложитъ „металлическое клеймо“ на воротникъ и фуражку, — и тогда ни пестрота одежды не будетъ раздражать его взора, ни возмущать гордыня „непоповичей“.—Хвастайся, что ты непоповичъ, когда на тебѣ надѣто тоже, что и на поповичѣ!

Таковы наши воспитательскіе принципы и взгляды. Даже въ такомъ небольшомъ дѣлѣ, какъ введеніе форменной одежды, мы не можемъ отрѣшиться отъ самолюбія и стать выше личныхъ счетовъ съ воспитанниками. Личные счета воспитателя съ воспитанниками—какая это педагогическая аномалія! Какъ будто воспитанникъ можетъ быть врагомъ воспитателю? Для послѣдняго питомецъ только объектъ воспитанія, который можетъ обнаруживать и отклоненія отъ правилъ и прямыя нарушенія ихъ, но который этимъ не воспитателя оскорбляетъ, а дѣлаетъ зло себѣ самому. Съ этой точки зрѣнія только и можетъ смотрѣть на него воспитатель. Воспитанникъ долженъ подлежать и дисциплинарнымъ взысканіямъ, но не за то, что онъ нарушилъ повелѣніе *инспектора* и тѣмъ нанесъ *ему* личную обиду, а за то, что онъ нарушилъ законъ *вообще* и тѣмъ проявилъ дурной наклонъ воли, который, укрѣпившись, будетъ губителенъ *для него самого*. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ наказаніе будетъ педагогическою мѣрою, въ первомъ же оно превращается въ личную месть,—месть тѣмъ болѣе жестокую, что она идетъ отъ руки сильнаго, и тѣмъ болѣе несправедливую, что направляется на людей, которые уже по самому своему положенію, повидимому, должны бы быть внѣ всякаго мщенія и личныхъ счетовъ съ сильными. Разъ человѣкъ находится въ положеніи воспитываемаго, онъ уже тѣмъ самымъ признанъ за дѣятеля не вполнѣ сознательнаго и свободнаго, онъ еще дитя въ широкомъ смыслѣ. И педагоги это хорошо помнятъ, когда ставится вопросъ о томъ, что нужно требовать отъ воспитываемаго, и чего ему нельзя позволить, но еще

лучше забываютъ, когда дѣло идетъ о томъ, чего нельзя отъ него требовать и въ чемъ ему можно снизить. Въ первомъ случаѣ на него смотрятъ какъ на дитя, малоопытное, мало-разумное, не отдающее себѣ отчета въ своихъ поступкахъ, во-второмъ, когда онъ провинится въ чемъ-нибудь и призывается къ отвѣтственности, глазъ суроваго педагога уже усматриваетъ въ этомъ дитяти взрослога человѣка, поступающаго съ полнымъ сознаніемъ и яснымъ намѣреніемъ, и дѣло ведется съ нимъ, какъ съ равноправнымъ. Здѣсь источникъ и личной обидчивости и жажды мщенія, которая только подыскиваетъ случая, чтобы осуществиться. Семинаристъ превозносится тѣмъ, что онъ непоповичъ. Въмѣсто того, чтобы разъяснить ему нелѣпность этого курьезнаго превозношенія, воспитатель изобрѣтаетъ средство принизить его и сравнять съ поповичами. Непоповичъ любитъ щеголевато одѣваться; проводится мысль о возможно простой форменной одеждѣ, и не только съ тѣмъ благимъ намѣреніемъ, чтобы по такой простотѣ она была доступна и бѣднымъ воспитанникамъ, но и съ тѣмъ коварнымъ умысломъ, чтобы она послужила одеждою поруганія для гордецовъ.

Въ качествѣ предосудительныхъ вещей, коими непоповичи хотятъ горделиво отличить себя отъ поповичей, г. инспекторъ указываетъ, между прочимъ, на квартирную обстановку и на музыкальные инструменты. Что же въ этомъ предосудительнаго? Напротивъ, очень было бы не худо, если бы и поповичи заботились придать болѣе приглядный видъ своей квартирѣ, насколько то возможно при ихъ средствахъ. Что же касается музыкальныхъ инструментовъ, то недовольство ими со стороны г. инспектора прямо отзывается устарѣlostью и отсталостью его взглядовъ. Неужели ему невѣдомо, что нынѣ всякія эстетическія упражненія—въ музыкѣ ли, въ пѣніи ли, напротивъ поощряются, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ на казенный даже счетъ заводятся музыкальные инструменты и приглашается особый учитель? Или, можетъ быть, г. инспектору это и вѣдомо, но онъ непріязненно относится къ музыкальнымъ принадлежностямъ потому только, что усмотрѣлъ ихъ въ квартирѣ непоповичей? Въ немиломъ человѣкѣ все постыло и все вызываетъ враждебныя чувства: зачѣмъ онъ одѣвается такъ, зачѣмъ живетъ въ такой обстановкѣ, зачѣмъ онъ сладко ѣстъ и пьетъ, зачѣмъ также у него скрипка или кларнетъ и т. д.?

Мы, конечно, не думаемъ оправдывать щегольства и барскихъ замашекъ семинаристовъ не-духовнаго происхожденія, а хотимъ сказать только то, что всѣ эти прегрѣшенія ихъ противъ школьныхъ уставовъ могутъ быть ограничены и устранены педагогическими мѣрами, всегда находящимися въ рукахъ инспектора, но никакъ не должны возбуждать враждебнаго чувства и мстительныхъ замысловъ противъ согрѣшившихъ. Проявленіе послѣднихъ возможно только при той смутности педагогическихъ возрѣній и той неподготовленности, иногда соединенной съ прямой неохотою, къ педагогическому дѣлу, о которой не разъ уже шла рѣчь въ этихъ очеркахъ.

Впрочемъ, постановка воспитательнаго дѣла въ нашихъ семинаріяхъ страдаетъ и отъ другихъ причинъ, напр. отъ неурегулированности отношеній между членами инспекторскаго надзора, въ общій составъ котораго, кромѣ инспектора, входятъ помощники инспектора, а также иногда надзиратели. Помощники инспектора по неопредѣленности своего положенія и по несоотвѣтствію своихъ правъ съ обязанностями обращаютъ на себя особенное вниманіе.

По § 52 Устава духовныхъ семинарій помощники инспектора „раздѣляютъ съ инспекторомъ труды по части воспитанія“. Такое раздѣленіе трудовъ и въ такомъ важномъ дѣлѣ предполагаетъ и раздѣленіе правъ между трудящимся надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ и основанныя на взаимномъ уваженіи и довѣріи отношенія между ними, тѣмъ болѣе, что образовательный цензъ помощниковъ не представляетъ къ этому никакихъ препятствій: они—такіе же кандидаты академіи, какими обыкновенно бываютъ и инспектора. Да и магистерскую степень только непомѣрное самомнѣніе можетъ считать основаніемъ къ тому, чтобы претендовать на единоличное главенство и непогрѣшимый авторитетъ въ дѣлѣ, требующемъ равносторонняго обсужденія и совмѣстной работы. Тѣмъ не менѣе, какъ уже не разъ заявлялось и въ печати ¹⁾, §§ Устава о помощникахъ инспекторовъ, и сами по себѣ не достаточно опредѣленные, на практикѣ толкуются гг. инспекторами въ инструкціяхъ своимъ помощникамъ и въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ такъ, что на долю послѣднихъ приходится только исполненіе „утомительныхъ въ физическомъ и нравственномъ

¹⁾ „Церк. Вѣст.“ 1894, стр. 598—599; 614—616 1896 г. 476—479.

отношеніи обязанностей“, безъ соотвѣтствующихъ правъ ¹⁾. „Инструкціи помощнику инспектора, составляемыя инспекторомъ и разсматриваемыя правленіемъ семинаріи, представляютъ изъ себя, едва ли не всегда, только регламентацію *обязанностей* помощника. Онѣ полны выраженій: „обязанъ“, „долженъ“ съ прибавленіемъ словъ: „немедленно“, „тотчасъ же“ и т. п.; о *правахъ* тутъ нѣтъ рѣчи, а если и встрѣчается изрѣдка слово: „можетъ“, то имъ дается такое микроскопическое право и обставленное такими условіями пользованія, что легче десять разъ отказаться отъ него, чѣмъ однажды имъ воспользоваться“. Равнымъ образомъ, и Уставомъ (§ 55) предоставленное право „совѣщательнаго голоса по части воспитанія“ въ засѣданіи правленія не есть право безусловное: оно предоставляется помощнику только „*въ случаѣ надобности*“, причемъ его *могутъ* пригласить въ засѣданіе, но могутъ и не пригласить. Последнее и случается чаще. „Я служу пятый годъ, пишетъ намъ одинъ изъ помощниковъ инспектора, и ни разу не удостоился чести быть приглашеннымъ въ собраніе правленія; не выпадало этой чести ни моему товарищу, ни моимъ предшественникамъ. Опытю убѣдившись, какъ было бы соблюденіе § 55 полезно для дѣла воспитанія, для поддержанія и возвышенія авторитета помощниковъ инспектора въ глазахъ воспитанниковъ и для судьбы тѣхъ изъ нихъ, о проступкахъ которыхъ по докладу помощника идетъ рѣчь на собраніи, я дерзалъ нѣсколько разъ докладывать ректору и инспектору, что § 55 не напрасно же внесенъ въ Уставъ духовныхъ семинарій; но всѣ мои притязанія разбились о неуязвимое равнодушіе этого ближайшаго начальства. Не унявшись этимъ, я подалъ въ правленіе семинаріи бумагу, въ которой, какъ съумѣлъ, указалъ случаи, въ какихъ соблюденіе названнаго § было бы крайне желательнымъ, и просилъ правленіе, если оно не найдетъ съ своей стороны эти случаи подходящими къ примѣненію § 55, то не потрудится ли спросить разъясненія у высшаго начальства, въ какихъ же именно случаяхъ помощники инспектора могутъ пользоваться предоставленнымъ имъ по закону правомъ. Но постановленіе правленія повторило только въ болѣе туманныхъ выраженіяхъ тотъ же, и безъ того неясный, § 55,—и тѣмъ дѣло кончилось: приглашенія помощникамъ инспектора опять не послѣдовало“. Такъ разбиваются

¹⁾ Ibid. 477.

усилія людей, дѣйствительно преданныхъ дѣлу и желающихъ послужить ему. Что же остается дѣлать гг. помощникамъ инспектора?

А инспекторъ, жалуется другой помощникъ инспектора, „можетъ постоянно тревожить его и обременять всевозможными распоряженіями и порученіями, можетъ послать его куда угодно и въ какое угодно время, можетъ даже заставить его исполнять чисто служительскія, унижительныя предъ учениками обязанности. Какое уваженіе могутъ имѣть ученики къ своему воспитателю, когда видятъ его въ постоянномъ униженіи и за исполненіемъ нерѣдко чисто служительскихъ порученій? Уже одна мысль о возможности подобныхъ фактовъ всегда будетъ гнать людей, хотя бы и самоотверженныхъ идеалистовъ, съ должности помощника инспектора“.

Такимъ образомъ, помощники инспектора занимаютъ очень неопредѣленное положеніе: съ одной стороны, они какъ будто бы имѣютъ права и вѣсь, какъ воспитатели, съ другой, они безправные исполнители инспекторской воли. И потому они несутъ всѣ неудобства промежуточной инстанціи: ученики на нихъ претендуютъ за строгость надзора, инспекторъ за его слабость; вздумаетъ помощникъ отъ себя провести какое-нибудь педагогическое воздѣйствіе, инспекторъ недоволенъ, зачѣмъ онъ дозволяетъ себѣ превышеніе власти; ограничится помощникъ только исполненіемъ данной инструкціи, онъ „недостаточно содѣйствуетъ мѣропріятіямъ инспектора“. На него инспектору весьма удобно свалить вину за какіе-либо безпорядки, но не менѣе удобно приписать себѣ его заслуги, если помощникъ проявитъ себя главнымъ дѣятелемъ въ поддержаніи школьной дисциплины. И внѣшнія привилегіи инспекторской должности всѣ принадлежать инспектору: онъ „пользуется обширною, хорошо обставленною квартирою со всѣми хозяйственными удобствами, имѣетъ казенную выѣздную лошадь, располагаетъ своимъ временемъ какъ ему угодно; а помощники инспектора вынуждаются жить въ каморкахъ въ два окна, помѣщенныхъ гдѣ-нибудь на 3—4 этажѣ среди ученическихъ спаленъ или классовъ, при квартирѣ хозяйственныхъ службъ не полагается, казенной лошади въ грязное или холодное время они съ трудомъ могутъ достать, къ семинаріи и своимъ обязанностямъ они привязаны не только днемъ до обѣда, но и вечеромъ, не только въ будни, но и въ праздникъ, не только въ учебное время, но и въ каникулы свя-

точные и пасхальные“. Конечно, эта картина не ко всѣмъ семинаріямъ примѣнима, однако въ общемъ она наблюдается всюду.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить и особенности служебнаго движенія помощниковъ инспектора. Повышеніемъ имъ служить переводъ на преподавательскую должность, подобно тому, какъ повышеніемъ для преподавателя служить инспекторство. Итакъ, когда человѣкъ приобрѣтетъ нѣкоторый педагогическій опытъ и освѣдомленность въ инспекторскомъ дѣлѣ за 5—6 лѣтъ служенія въ помощникахъ инспектора, онъ долженъ оставить безъ пользы приобретенную опытность, чтобы въ качествѣ преподавателя принятыя за учебники и науки, отъ которыхъ, можетъ быть, уже отвыкъ. А тотъ, кто прослужилъ лѣтъ 10 преподавателемъ, долженъ оставить дѣло учебное и перейти къ новому, инспекторскому, для котораго онъ иногда не имѣетъ должной опытности. Не лучше ли было бы, если бы изъ помощниковъ инспектора, любящихъ свое дѣло и разумно его ведущихъ, дѣлался выборъ въ инспекторы и тѣмъ давалось бы естественное примѣненіе ихъ педагогически-инспекторской опытности? Тогда мы имѣли бы воспитателей, такъ или иначе подготовленныхъ къ дѣлу.

С. П.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки